

Ф. ЭНГЕЛЬС

**РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА
ОТ УТОПИИ К НАУКЕ**

ГОСПОЛИТИЗДАТ • 1951

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ф. ЭНГЕЛЬС

**РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА
ОТ УТОПИИ К НАУКЕ**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение к английскому изданию</i>	<i>Стр.</i> 3
РАЗВИТИЕ СОЦИАЛИЗМА ОТ УТОПИИ К НАУКЕ	
I.	32
II.	47
III.	57
<i>Указатель важнейших имен</i>	81

Подписано к печати с матриц 17/VII 1951 г. Тираж 150 тыс. экз. М-27821.
 Бумага 82×108¹/₃₂. Объем 1⁵/₁₆ бумажных. 4,30 п. л. 5,07 уч.-изд. л.
 Заказ № 1284. Цена 1 руб.

2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького Главполиграфиздата
 при Совете Министров СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.

ВВЕДЕНИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Предлагаемая брошюра была сначала частью более обширного целого. Около 1875 г. д-р Е. Дюринг, приват-доцент Берлинского университета, внезапно и довольно крикливо заявил, что он уверовал в социализм, и преподнес немецкой публике не только подробно разработанную социалистическую теорию, но и полный практический план преобразования общества. Само собой разумеется, он обрушился на своих предшественников; больше всего досталось Марксу, на которого он излил свой гнев полной чашей.

Это случилось в то время, когда только что произошло слияние двух частей социалистической партии в Германии — эйзенахцев и лассальянцев¹ — и партия таким образом не только чрезвычайно усилилась, но, что еще важнее, получила также возможность направить все свои силы против общего врага. Социалистическая партия в Германии быстро становилась силой. Но для того, чтобы сделать ее силой, прежде всего необходимо было

¹ На съезде в Готе (22—27 мая 1875 г.) состоялось объединение двух существовавших в то время немецких рабочих организаций — руководимой Либкнехтом и Бебелем Социал-демократической рабочей партии (так называемые эйзенахцы) и возглавляемой Гагенклеввером, Гассельманом и Тельке лассальянской организации (Всеобщего германского рабочего союза) — в единую Социалистическую рабочую партию Германии. *Ред.*

не подвергать опасности только что завоеванное единство. Между тем д-р Дюринг открыто начал создавать вокруг себя секту, ядро будущей самостоятельной партии. Поэтому мы были вынуждены поднять брошенную нам перчатку и вступить в бой, хотели мы того или нет.

Это, однако, было делом хотя и не слишком трудным, но явно кропотливым. Хорошо известно, что нам, немцам, свойственна страшно тяжеловесная *«основательность»*, называйте ее как угодно — основательное глубокомыслие или глубокомысленная основательность. Когда кто-нибудь из нас приступает к изложению того, что, по его мнению, является новой доктриной, он считает необходимым прежде всего разработать это в виде всеобъемлющей системы. Он должен доказать, что и первые принципы логики и основные законы мироздания искони существовали только для того, чтобы в конце концов привести именно к этой новооткрытой и все завершающей теории. И в данном отношении д-р Дюринг был вполне скроен по этой национальной мерке. Ни много, ни мало, как полная «Система философии» — философии духа, морали, природы и истории, — полная «Система политической экономики и социализма» и, наконец, «Критическая история политической экономики» — три толстых тома в восьмую долю листа, тяжелых как по весу, так и по содержанию, три армейских корпуса доказательств, мобилизованных против предшествующих философов и против экономистов вообще и Маркса в особенности, — ведь это, поистине, попытка совершить полнейший «переворот в науке», — вот с чем пришлось мне иметь дело. Я был вынужден трактовать обо всех и всевозможных предметах: от концепций времени и пространства до биметаллизма; от вечности материи и движения до преходящей природы моральных идей; от дарвиновского естественного отбора до воспитания молодежи в будущем обществе. Во всяком случае, всеобъемлющая система моего противника давала мне повод изложить в полемике с ним взгляды Маркса и мои на все эти разнообразные предметы, и притом в гораздо более связном виде, чем это приходилось делать когда-либо прежде. Это как раз и было главной причиной, вынудившей меня взяться за эту, во всех других отношениях неблагодарную, задачу.

Ответ мой сперва появился в виде ряда статей в лейпцигском «Vorwärts», центральном органе социалистической партии¹, а затем — в виде книги «Переворот в науке, произведенный г. Евгением Дюрингом», второе издание которой вышло в Цюрихе в 1886 году.

По просьбе моего друга Поля Лафарга, ныне депутата от Лилля во французской палате, из трех глав этой книги я составил брошюру, которую он перевел и издал в 1880 г. под названием «Социализм утопический и социализм научный». Этот французский текст лег в основу польского и испанского изданий. В 1883 г. наши немецкие друзья издали брошюру на том языке, на котором она первоначально была написана. Затем с этого немецкого текста были сделаны переводы итальянский, русский, датский, голландский и румынский. Таким образом, включая и настоящее английское издание, брошюра эта получила распространение на десяти языках. Полагаю, что ни одно социалистическое произведение, не исключая даже нашего «Коммунистического Манифеста», впервые изданного в 1848 г., и «Капитала» Маркса, не было столько раз переведено. В Германии брошюра выдержала четыре издания, общим тиражем около 20 000 экземпляров.

Приложение «Марка»² было написано с целью распространения среди немецкой социалистической партии некоторых элементарных сведений относительно истории возникновения и развития земельной собственности в Германии. В то время это было тем более необходимо, что объединение городских рабочих немецкой социал-демократической партией было уже на верном пути к завершению, и перед партией встала задача заняться сельскохозяйственными рабочими и крестьянами. Это приложение было включено в издание из тех соображений, что первобытные формы землевладения, общие у всех тевтонских племен, и история их разложения еще менее

¹ «Vorwärts» («Вперед») — центральный орган германской социал-демократии после Готского объединительного съезда; выходил в Лейпциге в 1876—1878 гг. *Ред.*

² «Марка» — древнегерманская община. Под этим заглавием Энгельс дал в приложении к первому немецкому изданию «Развития социализма от утопии к науке» краткий очерк истории немецкого крестьянства с древних времен. *Ред.*

известны в Англии, чем в Германии. Я оставил текст в его первоначальном виде, не касаясь гипотезы, недавно предложенной Максимом Ковалевским, согласно которой разделу пахотных и луговых полей между членами марки предшествовала общая совместная обработка этой земли большой патриархальной семейной общиной, охватывающей несколько поколений (чему примером может служить еще существующая южнославянская задруга); впоследствии же, когда община разрослась и стала слишком громоздкой для совместного ведения хозяйства, произошел раздел земель общины. Ковалевский, вероятно, вполне прав, однако вопрос еще находится *sub judice* ¹.

Употребляемые в этой работе экономические термины, поскольку они новы, совпадают с терминологией «Капитала» Маркса, как она дана в английском издании. Под «товарным производством» мы понимаем ту фазу экономического развития, на которой предметы производятся не только для удовлетворения потребностей производителей, но и с целью обмена, т. е. производятся *в качестве товаров*, а не потребительных стоимостей. Эта фаза существует с тех пор, как началось производство для обмена, и вплоть до нашего времени; своего полного развития она достигает лишь при капиталистическом производстве, т. е. в тех условиях, когда капиталист, собственник средств производства, нанимает рабочих — людей, лишенных каких бы то ни было средств производства, кроме своей собственной рабочей силы, — и кладет себе в карман излишек продажной цены продуктов над издержками. Историю промышленности, начиная со средних веков, мы делим на три периода: 1) ремесло, мелкие мастера-ремесленники с их немногочисленными подмастерьями и учениками, причем каждый работник производит предмет целиком; 2) мануфактура, при которой более крупное число рабочих, собранных в одном обширном предприятии, производит весь предмет в порядке разделения труда, т. е. каждый рабочий выполняет какую-нибудь одну частичную операцию, так что продукт готов лишь после того, как он последовательно прошел через руки их всех; 3) современная промышленность,

¹ — в стадии обсуждения. *Ред.*

при которой продукт производится машинами, приводимыми в движение какой-либо силой, а роль рабочего ограничивается наблюдением за действиями механизмов и их регулированием.

Я прекрасно знаю, что содержание этой брошюры заденет за живое значительную часть британской читающей публики. Но если бы мы, жители континента, хоть сколько-нибудь считались с предрассудками британской «респектабельности», т. е. британского филистерства, то дело обстояло бы еще хуже, чем сейчас. Предлагаемая брошюра написана в защиту того, что мы называем «историческим материализмом», а слово «материализм» режет слух подавляющего большинства британских читателей. «Агностицизм»¹ — еще куда ни шло, но материализм — совершенно недопустимая вещь.

И все же первоначальной родиной всего современного материализма, начиная с XVII века, является именно Англия.

«Материализм — прирожденный сын Великобритании. Уже ее схоластик Дунс Скот спрашивал себя: не способна ли материя мыслить?

«Чтобы сделать возможным такое чудо, он прибегал к всемогуществу божию, т. е. он заставлял самое теологию проповедывать материализм. Кроме того он был номиналистом². Номинализм был одним из главных элементов у английских материалистов и вообще является первым выражением материализма.

«Настоящий родоначальник английского материализма — Бэкон. Естествознание является в его глазах истинной наукой, а физика, опирающаяся на чувственный опыт, — важнейшей частью естествознания. Анаксагор с его гомеомериями и Демокрит с его атомами часто приводятся им как авторитеты. Согласно его учению, чувства непознаваемы и составляют источник всякого знания. Наука есть опытная наука и состоит в применении

¹ *Агностицизм* — от греческих слов: а — не, гносис — знание; агностик допускает существование материальных вещей, но считает их непознаваемыми. *Ред.*

² *Номинализм* — от латинского слова: номен — имя; направление в средневековой философии, признававшее общие родовые понятия лишь именами для обозначения сходных предметов. *Ред.*

рационального метода к чувственным данным. Индукция, анализ, сравнение, наблюдение, эксперимент суть главные условия рационального метода. Первым и самым важным из прирожденных свойств материи является движение, — не только как механическое и математическое движение, но еще больше как стремление, жизненный дух, напряжение, — или, употребляя выражение Якова Беме, «мука» («Qual») ¹ материи. Первичные формы материи, это — живые, прирожденные ей, индивидуализирующие, вызывающие специфические различия, силы, заложенные в ее сущности.

«У Бэкона, как первого своего творца, материализм таит еще в себе в наивной форме зародыши всестороннего развития. Материя улыбается своим поэтически-чувственным блеском всему человеку. Само же учение, изложенное в форме афоризмов, еще кишит, напротив, теологическими непоследовательностями.

«В своем дальнейшем развитии материализм становится односторонним. Гоббс является систематиком бэконовского материализма. Чувственность теряет свои яркие краски и превращается в абстрактную чувственность геометра. Физическое движение приносится в жертву механическому или математическому движению, геометрия провозглашается главной наукой. Материализм становится враждебным человеку. Чтобы преодолеть враждебный человеку бесплотный дух в его собственной сфере, материализму приходится самому умертвить свою плоть и сделаться аскетом. Он выступает как рассудочное существо, но зато он с беспощадной последовательностью развивает все выводы рассудка.

«Если наши чувства являются источником всех наших знаний, — рассуждает Гоббс, отправляясь от Бэкона, — то созерцание, мысль, представления и т. д. — все это не

¹ «Qual», это — философская игра слов. «Qual» буквально означает мучение, боль, которая толкает на какое-нибудь действие. В то же самое время мистик Беме вносит в это немецкое слово и нечто от латинского слова *qualitas* (качество). Его «qual», это — в противоположность боли, причиняемой извне, активное начало, возникающее из самопроизвольного развития вещи, отношения или личности, ему подверженной, а также, в свою очередь, вызывающее к жизни это развитие. (Примечание Энгельса к английскому изданию.)

что иное, как призраки телесного мира, освобожденного в большей или меньшей степени от своей чувственной формы. Наука может только дать названия этим призракам. Одно и то же название может быть применено ко многим призракам. Могут даже существовать названия названий. Но было бы противоречием, с одной стороны, видеть в чувственном мире источник всех идей, с другой же стороны — утверждать, что слово есть нечто большее, чем только слово, что кроме представляемых нами всегда единичных существ имеются еще какие-то всеобщие сущности. Бестелесная субстанция — это, напротив, такое же противоречие, как бестелесное тело. Тело, бытие, субстанция — все это одна и та же реальная идея. *Нельзя отделить мышление от материи, которая мыслит.* Материя является субъектом всех изменений. Слово «бесконечный» бессмысленно, если оно не означает способности нашего духа без конца прибавлять к какой-нибудь данной величине. Так как только материальное воспринимается, познается, то ничего не известно о существовании бога. Только мое собственное существование достоверно. Всякая человеческая страсть есть кончающееся или начинающееся механическое движение. Объекты стремлений — вот то, что мы называем благом. Человек подчинен тем же законам, что и природа. Могущество и свобода тождественны.

Гоббс систематизировал Бэкона, но не дал более детального обоснования его основному принципу — происхождению знаний и идей из мира чувств.

Локк обосновывает принцип Бэкона и Гоббса в своем «Опыте о происхождении человеческого разума».

Как Гоббс уничтожил теистические¹ предрассудки бэконовского материализма, так Коллинс, Додуэлл, Коуард, Гартли, Пристли и т. д. уничтожили последние теологические границы локковского сенсуализма. Деизм² — по крайней мере для материалиста —

¹ *Теистические* — свойственные *теизму*, философско-богословскому учению, признающему существование личного бога, творца вселенной. *Ред.*

² *Деизм* — философско-богословское направление, отказывающееся от идеи личного бога и признающее бога как безличную перво-причину мира. *Ред.*

не более чем удобный и легкий способ отделаться от религии»¹.

Так писал Карл Маркс о британском происхождении современного материализма. И если в настоящее время англичане не чувствуют себя особенно польщенными этим признанием заслуг их предков, то об этом можно только пожалеть. Нельзя все же отрицать, что Бэкон, Гоббс и Локк были отцами той блестящей школы французских материалистов, которые, несмотря на все победы, одержанные немцами и англичанами на суше и на море над французами, сделали XVIII век преимущественно французским веком, и это — задолго до той венчающей конец этого века французской революции, результаты которой мы как в Англии, так и в Германии все еще стремимся акклиматизировать у себя.

Этого никак нельзя отрицать. Когда образованный иностранец переезжал в середине нашего столетия на жительство в Англию, то более всего его поражали — иначе он и не мог воспринять это — религиозное ханжество и тупость английского «респектабельного» среднего класса. Мы были тогда все материалистами или, по меньшей мере, очень радикальными вольнодумцами, и для нас был непонятен тот факт, что почти все образованные люди в Англии верили во всевозможные невероятные чудеса и что даже геологи, как Бакленд и Мانتелл, извращали данные своей науки, дабы они не слишком сильно били по мифам моисеевой легенды о сотворении мира. Казалось непостижимым то, что надо было идти к необразованной массе, к «неумытой толпе», как тогда выражались, — к рабочим, особенно к социалистам, последователям Оуэна, для того, чтобы найти людей, осмеливавшихся в религиозных вопросах опираться на собственный разум.

Но с того времени Англия «цивилизовалась». Выставка 1851 г. прозвучала похоронным звоном для английской островной замкнутости. Англия постепенно интернационализировалась в пище и питье, в обычаях, в представлениях, она достигла в этом таких успехов,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Святое семейство. Франкфурт-на-Майне, 1845 г., стр. 201—204. (Примечание Энгельса.) — См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. III, стр. 157—158. Ред.

что мне все больше хочется выразить пожелание, чтобы некоторые английские обычаи нашли себе на континенте такое же всеобщее применение, какое нашли в Англии некоторые обычаи континента. Несомненно одно: распространение прованского масла (до 1851 г. известного только аристократии) сопровождалось роковым распространением континентального скептицизма в религиозных вопросах; дошло до того, что агностицизм, хотя он еще и не считается столь благородным, как английская государственная церковь, стоит все же в отношении респектабельности почти на одной ступени с сектой баптистов и во всяком случае рангом выше «Армии спасения». И я не могу освободиться от мысли, что многим, кто всем сердцем сокрушается по поводу этого прогресса неверия и проклинает его, будет утешительно узнать, что эти новоиспеченные идеи не чужеземного происхождения, не носят на себе марки *Made in Germany* — изготовлено в Германии — как множество других предметов повседневного обихода; что они, напротив, старо-английского происхождения и что их британские родоначальники двести лет тому назад заходили гораздо дальше, чем их нынешние потомки.

Действительно, что такое агностицизм, как не стыдливый материализм? Взгляд агностика на природу насквозь материалистичен. Весь естественный мир управляется законами и абсолютно исключает всякое воздействие извне. Но — предусмотрительно добавляет агностик — мы не в состоянии доказать существование или несуществование какого-либо высшего существа вне известного нам мира. Эта оговорка могла иметь известную ценность в те времена, когда Лаплас на вопрос Наполеона, почему в «Небесной механике»¹ этого великого астронома даже не упомянуто имя творца мира, дал гордый ответ: «*Je n'avais pas besoin de cette hypothèse*»². В настоящее же время наше представление о вселенной в ее развитии совершенно не оставляет места ни для творца, ни для вседержителя. Но если захотели бы признать некое высшее существо, исключенное из всего

¹ *Laplace P. S., Traité de mécanique céleste. Vol. I—V. Paris, 1799—1825. Ped.*

² «У меня не было надобности в этой гипотезе». *Ped.*

существующего мира, то это само по себе было бы противоречием и к тому же, как мне кажется, незаслуженным оскорблением чувств религиозных людей.

Наш агностик соглашается также, что все наше знание основано на тех сообщениях, которые мы получаем через посредство наших чувств. Но, добавляет он, откуда мы знаем, что наши чувства дают нам верные изображения воспринимаемых ими вещей? И далее он сообщает нам, что когда он говорит о вещах или об их свойствах, то он в действительности имеет в виду не самые эти вещи или их свойства, о которых он ничего достоверного знать не может, а лишь те впечатления, которые они произвели на его чувства. Слов нет, это такая точка зрения, которую трудно, повидимому, опровергнуть одной только аргументацией. Но прежде чем люди стали аргументировать, они действовали. «Вначале было дело». И человеческая деятельность разрешила это затруднение задолго до того, как человеческое мудрствование выдумало его. The proof of the pudding is in the eating¹. В тот момент, когда, сообразно воспринимаемым нами свойствам какой-либо вещи, мы употребляем ее для себя, — мы в этот самый момент подвергаем безошибочному испытанию истинность или ложность наших чувственных восприятий. Если эти восприятия были ложны, то и наше суждение о возможности использовать данную вещь необходимо будет ложно, и всякая попытка такого использования неизбежно приведет к неудаче. Но если мы достигнем нашей цели, если мы найдем, что вещь соответствует нашему представлению о ней, что она дает тот результат, какого мы ожидали от ее употребления, — тогда мы имеем положительное доказательство, что в этих границах наши восприятия о вещи и ее свойствах совпадают с существующей вне нас действительностью. Если же, наоборот, мы обнаруживаем, что сделали ошибку, то по большей части в скором времени умеем найти причину этой ошибки; мы находим, что восприятие, легшее в основу нашего испытания, либо само было неполно и поверхностно, либо было связано с результатами других восприятий таким образом, который не оправдывается поло-

¹ Проверка пудинга состоит в том, что его съедают. *Ред.*

жением дела; это мы называем ложным умозаключением. До тех же пор, пока мы как следует развиваем наши чувства и пользуемся ими, пока мы держим свою деятельность в границах, поставленных правильно полученными и использованными восприятиями, — до тех пор мы всегда будем находить, что успех наших действий дает доказательство соответствия наших восприятий с предметной природой воспринимаемых вещей. Нет ни единого случая, насколько нам известно до сих пор, когда бы мы вынуждены были заключить, что наши научно-проверенные чувственные восприятия производят в нашем мозгу такие представления о внешнем мире, которые по своей природе отклоняются от действительности, или что между внешним миром и нашими чувственными восприятиями его существует прирожденная несогласованность.

Но тут является новоkantianский агностик и говорит: да, возможно, что мы в состоянии правильно воспринять свойства вещи, но самой вещи мы никаким, ни чувственным, ни мыслительным процессом постичь не можем. Эта вещь в себе находится по ту сторону нашего познания. На это уже Гегель давно дал ответ: если вы знаете все свойства вещи, то вы знаете и самую вещь; тогда остается только голый факт, что названная вещь существует вне нас и, как только ваши чувства удостоверили и этот факт, вы постигли эту вещь всю без остатка, — постигли знаменитую кантовскую непознаваемую вещь в себе. В настоящее время мы можем к этому только прибавить, что во времена Канта наше познание природных вещей было еще настолько отрывочным, что за каждой из них можно было еще допускать существование особой таинственной вещи в себе. Но с того времени эти непостижимые вещи одна за другой, вследствие гигантского прогресса науки, уже постигнуты, проанализированы и даже более того — воспроизведены. А то, что мы сами можем *сделать*, мы уж, конечно, не можем назвать непознаваемым. Подобными таинственными существами для химии первой половины нашего столетия были органические вещества. Теперь нам удается составлять их одно за другим из их химических элементов и без помощи органических процессов. Современная химия утверждает: коль

скоро химический состав какого-либо тела известен, оно может быть составлено из его элементов. Нам еще, правда, очень далеко до точного знания состава высших органических веществ, так называемых белковых тел; однако нет никакого основания считать, что мы и спустя столетия не сможем достигнуть этого знания и с его помощью добыть искусственный белок. Если мы этого достигнем, то вместе с тем мы воспроизведем органическую жизнь, ибо жизнь от самых низших до самых высших ее форм есть не что иное, как нормальный способ существования белковых тел.

Но наш агностик, сделав свои формальные оговорки, говорит и действует уже совсем как закоренелый материалист, каким он в сущности и является. Он, может быть, скажет: насколько *нам* известно, материю и движение, или, как теперь говорят, энергию нельзя ни создать, ни уничтожить, но у нас нет никакого доказательства того, что и то и другое не было в какой-то неведомый нам момент сотворено. Но как только вы попытаетесь в каком-нибудь определенном случае использовать это признание против него — он моментально заставит вас замолчать. Если он *in abstracto*¹ допускает возможность спиритуализма, то *in concreto*² он об этой возможности и знать не желает. Он вам скажет: поскольку мы знаем и можем знать, не существует никакого творца или вседержителя вселенной; насколько это нам известно, материю и энергию также нельзя ни создать, ни уничтожить; для нас мышление — только форма энергии, функция мозга; все, что мы знаем, сводится к тому, что материальный мир управляется неизменными законами, и т. д. и т. п. Таким образом, поскольку он человек *науки*, поскольку он что-либо *знает*, постольку он материалист; но вне своей науки, в тех областях, которые ему чужды, он переводит свое невежество на греческий язык, называя его агностицизмом.

Во всяком случае несомненно одно: даже если бы я был агностиком, я не мог бы изложенный в этой книжке взгляд на историю назвать «историческим агностициз-

¹ — вообще, отвлеченно. *Ред.*

² — в конкретном случае. *Ред.*

мом». Религиозные люди высмеяли бы меня, а агностики с негодованием спросили бы: не издеваюсь ли я над ними? И я надеюсь, что и британская «респектабельность», которая по-немецки называется филистерством, не будет чересчур возмущена, если я применю на английском, как и на многих других языках, выражение «исторический материализм» для обозначения того взгляда на ход всемирной истории, который конечную причину и решающую движущую силу всех важных исторических событий находит в экономическом развитии общества, в изменениях способа производства и обмена, в вытекающем отсюда распадении общества на различные классы и в борьбе этих классов между собой.

Может быть ко мне отнесутся еще более снисходительно, если я докажу, что исторический материализм может оказаться полезным даже для респектабельности британского филистера. Я указал на тот факт, что лет сорок или пятьдесят назад каждого образованного иностранца, поселявшегося в Англии, неприятно поражало то, что ему должно было казаться религиозным ханжеством или ограниченностью английского «респектабельного» среднего класса. Я сейчас покажу, что респектабельный английский средний класс того времени был совсем не так глуп, как это казалось интеллигентному иностранцу. Религиозные стремления этого класса имеют свое объяснение.

Когда Европа вышла из средневековья, поднимающаяся вверх городская буржуазия была его революционным элементом. Признанное положение, которое она завоевала себе внутри средневекового феодального строя, стало уже слишком тесным для ее способности к расширению. Свободное развитие буржуазии стало уже несовместимо с феодальной системой, феодальная система должна была пасть.

Но крупным интернациональным центром феодальной системы была римско-католическая церковь. Несмотря на все внутренние войны, она объединяла всю феодальную Западную Европу в одно большое политическое целое, которое находилось в противоречии одинаково как с схизматическим греческим, так и с магометанским миром. Она окружила феодальный строй ореолом божественной

благодати. Свою собственную иерархию она установила по феодальному образцу, и, наконец, она была самым крупным феодальным владельцем, потому что ей принадлежало не менее третьей части всего католического землевладения. Прежде чем вступить в борьбу со светским феодализмом в каждой стране в отдельности, необходимо было разрушить эту его центральную священную организацию.

Однако вместе с расцветом буржуазии шаг за шагом шел гигантский рост науки. Возобновились занятия астрономией, механикой, физикой, анатомией, физиологией. Буржуазии для развития ее промышленности нужна была наука, которая исследовала бы свойства физических тел и формы проявления сил природы. До того же времени наука была смиренной служанкой церкви, и ей не позволено было выходить за рамки, установленные верой: короче — она была чем угодно, только не наукой. Теперь наука восстала против церкви; буржуазия нуждалась в науке и приняла участие в этом восстании.

Я коснулся, таким образом, лишь двух пунктов, в которых растущая буржуазия должна была притти в столкновение с существующей церковью. Но этого будет достаточно, чтобы доказать, во-первых, что в борьбе против авторитета католической церкви наибольшее участие принимал именно этот класс — буржуазия; во-вторых, что всякая борьба против феодализма должна была тогда принимать религиозное облачение, направляться в первую очередь против церкви. Но если боевой клич исходил от университетов и деловых людей городов, то сильный отклик он неизбежно находил в массах сельского населения, у крестьян, которые повсюду вели ожесточенную борьбу со своими духовными и светскими феодалами, и притом борьбу за самое существование.

Великая борьба европейской буржуазии против феодализма дошла до высшего напряжения в трех крупных решающих битвах.

Первой была так называемая реформация в Германии. Ответом на призыв Лютера к бунту против церкви явились два политических восстания: сначала — низшего дворянства под предводительством Франца фон Зиккингена в 1523 г., а затем — великая крестьянская война